Книгоиздательство «ТРУДЪ и ВОЛЯ».

I. А. Звягинцевъ.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ВЫБОРОВЪ?

Цѣна 25 коп.

Складъ изданій: Москва, М. Дмитровка, Дегтярный, 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

Книгоиздательство «ТРУДЪ и ВОЛЯ».

I. А. Звягинцевъ.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ВЫБОРОВЪ?

2-е изданіе.

Складъ изданій: Москва, М. Дмитровка, Дегтярный, 10.
Книжный складъ Д. П. Ефимова.

Типографія т./д. «МЫСЛЬ», Москва, Петровка, 17.

Въ Россіи нѣтъ теперь ни царя, ни царскихъ министровъ, ни губернаторовъ, ни исправниковъ, ни земскихъ начальниковъ, ни становыхъ, ни урядниковъ, ни стражниковъ и никакихъ другихъ царскихъ чиновниковъ.

Бываетъ, стоитъ дерево, съ виду крѣпкое и сильное, и вдругъ завалится. И только тутъ станетъ ясно, что внутри оно давно прогнило и изъѣдено червями и стали трухой его корни.

Кто читаетъ книжки, газеты и разные листки и воззванія, тому, вѣроятно, въ этихъ книжкахъ, листкахъ и воззваніяхъ попадались слова «царь низвергнутъ народомъ». Конечно, это такъ. Но я опять скажу: нашъ царь со всѣми его министрами, губернаторами и стражниками былъ какъ дерево зеленое снаружи и гнилое внутри.

Такое дерево—ударь его носкомъ сапога подъ корень, развѣ не затрещитъ и не грохнется и потомъ, когда упадетъ, не переломится опять въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ удара о землю и не пойдетъ изъ него труха и пыль и прахъ?

Велика заслуга передъ родиной того, кто первый крикнулъ въ Петроградѣ въ мартовскіе дни: «Долой царя!» Велико его мужество.

Гнилое внутри, царское дерево снаружи было зелено, казалось крѣпкимъ и сильнымъ. Крикнуть: «Долой царя» не значило ли это вызвать на бой всю царскую силу, начиная съ перваго министра и кончая послѣднимъ стражникомъ!

Но вѣдь тамъ у нихъ все прогнило... Только снаружи блестѣли шитые золотомъ мундиры министровъ и бляхи и кокарды городовыхъ и стражниковъ. А въ душахъ ужъ давно клубкомъ копошились черви и вмѣсто совѣсти была труха и прахъ могильный.

Ибо развѣ не были предателями царскіе чиновники, не были мздоимцами и взяточниками, не были мучителями и стяжателями, не были укрывателями трусовъ, прятавшихся отъ воинской повинности?

Не были всѣ они гнилью, навозомъ, падалью?

И когда въ Петроградѣ раздался крикъ: «Долой царя», уже отъ одного этого крика зашаталось царское дерево, прогнившее съ корня до макушки, истлѣвшее въ самомъ сердцѣ своемъ. И потомъ грохнулось на-земь.

И не нужно было большого усилія, чтобы свалить его. Именно отъ удара носка сапога оно свалилось. Оно свалилось, едва его толкнули. Въ два—три дня все было кончено.

Со стороны возставшихъ противъ царя были убитые... Слава имъ, павшимъ за народное дѣло! Но вспомните, нигдѣ, кромѣ какъ въ Петроградѣ, въ эти великіе мартовскіе дни не было кровавыхъ столкновеній: люди съ прогнившей душой, всѣ эти царскіе чиновники, труха и прахъ его царствованія, остались совершенно одни, не видя, на кого они могли бы опереться. А противъ нихъ стояла вся великая Россія—вся цѣликомъ: войско, крестьяне, рабочіе, упечество, дворянство, духовенство.

Но вѣдь и эти бывшіе царскіе чиновники, за исключеніемъ пристроившейся около царя кучки титулованныхъ и нетитулованныхъ нѣмецкихъ проходимцевъ,—развѣ не дѣти великаго русскаго народа?

Если бы собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то мы увидѣли бы опять-таки здѣсь все тѣхъ же, только переодѣтыхъ въ царскую форму, русскихъ дворянъ, крестьянъ, купцовъ. И тутъ же, рядомъ съ министерскими, золотомъ шитыми мундирами, тоже золотомъ и серебромъ блестѣли бы облаченія чиновъ высшаго духовенства и чернѣли бы рясы скромныхъ иноковъ.

Настоящую маленькую Россію увидѣли бы мы.

И была бы она такъ жалка и такъ ничтожна, эта маленькая царская Россія рядомъ съ великой необъятной народной Русью.

И страннымъ и непонятнымъ показалось бы намъ, какъ такая ничтожная кучка людей, потерявшихъ совѣсть, могла въ продолженіе столькихъ лѣтъ вертѣть, какъ ей хотѣлось, многомилліоннымъ народомъ!

Кто повиненъ въ этомъ?

Можетъ, кто-нибудь скажетъ: нѣмцы повинны. Нѣмцы испоконъ вѣковъ сидѣли у насъ и министрами и губернаторами и дурили головы русскимъ министрамъ и губернаторамъ, потому что имъ было на-руку держать Россію въ темнотѣ и невѣжествѣ.

Конечно, это все такъ, но наши министры, вы думаете, и безъ нѣмцевъ не понимали очень хорошо, что помыкать темнымъ, невѣжественнымъ человѣкомъ легче, чѣмъ образованнымъ? Нѣмцы только ихъ поджигали, подливали масла въ огонь: «это, дескать, вы правильно дѣйствуете: чѣмъ

народъ темнѣй, тѣмъ онъ послушнѣй... И у насъ, дескать, въ Европѣ всѣ настоящіе государственные мудрые люди такъ поступаютъ».

А наши и рады, что они мудрые и что это даже не только выгодно держать народъ въ темнотѣ, а и умно.

Выходитъ, значитъ, не одни только нѣмцы виноваты, а какъ бы еще не больше ихъ сами наши министры. А такъ какъ въ министры у насъ шли главнымъ образомъ люди изъ высшаго сословія, дворяне, то, стало быть, на комъ же, какъ не на дворянахъ, и вся вина?

Только такъ или это?

А я скажу:

— Всѣ виноваты.

Развѣ же это не правда, что имущіе классы, помѣщики и дворяне, поставляли царю министровъ и совѣтниковъ, а огромная армія городовыхъ, стражниковъ, жандармовъ набиралась изъ малоимущихъ крестьянъ главнымъ образомъ?

На это мнѣ скажутъ пожалуй:

— Крестьяне—темный народъ, гдѣ имъ разобраться, что хорошо, что дурно.

Будто бы? Нѣтъ ужъ будемъ говорить по совѣсти. Развѣ, когда деревенской улицей проѣзжали урядникъ или отрядъ стражниковъ, крестьяне изъ-за плетня не казали имъ вслѣдъ кулаковъ? Такъ-таки никогда и нигдѣ этого и не было? Или если кто-нибудь собирался поступить въ стражники—что же, всѣ другіе,—и сосѣди и не сосѣди,—цѣловались съ нимъ, чтоль, благословляли его, икону со стѣны снимали?

Опять скажу: всякое дѣло нужно разбирать по совѣсти. Что ужъ самихъ себя дурить? Не такъ-то мы ужъ глупы,

чтобы не понять, что лучше прожить вѣкъ небитому, чѣмъ получать тумаки отъ кого бы то ни было: отъ стражника или урядника, или отъ городового.

Не понимали, должно быть, этого только тѣ, кто шли въ стражники, въ жандармы да городовые.

Но начнемъ сверху. Наверху, выше всѣхъ у насъ сидѣлъ царь. Царь выбиралъ себѣ министровъ.

Какъ же онъ ихъ выбиралъ? Мы не станемъ говорить про бывшаго нашего царя Николая Второго, а прикинемъ на умъ примѣрно, какъ вообще каждый человѣкъ, если бы сдѣлался царемъ, сталъ подыскивать себѣ министровъ.

Сдѣлался, скажемъ, царемъ самый лучшій человѣкъ во всемъ государствѣ: и честный, и благородный, и добрый, и умный.

Кого онъ выберетъ себѣ въ министры? Конечно, тоже честныхъ людей.

Ну, а если вдругъ поставили бы царемъ конокрада Никитку, то кого бы онъ выбралъ себѣ въ помощники? То-то и дѣло. Каковъ царь, таковы и министры. Конечно, и при дурномъ царѣ могутъ быть хорошіе министры? Можетъ найтись умный человѣкъ съ совѣстью, который войдетъ къ царю въ довѣріе, прикинется такимъ, какимъ царь хотѣлъ, чтобы онъ былъ, и потомъ исподволь помаленьку станетъ дѣлать добрыя дѣла. Только долго ли такой министръ просидитъ на своемъ мѣстѣ?

А еще хуже, когда царь ни глупъ, ни уменъ, ни злой, ни добрый—середка на половинѣ. Такой царь только будетъ хлопать глазами на министровъ, какъ они кругомъ него обдѣлываютъ свои дѣлишки. Конечно, и при такомъ царѣ въ министры могутъ пробраться честные люди, но

пролѣзутъ также и разные безсовѣстные проходимцы. И начнется у нихъ, у честныхъ съ безчестными, свара. А народъ? Что-жъ народъ? Народъ какъ овцы: собаки задрались—приходи волкъ и волоки любую. Такъ оно и бывало во всѣхъ государствахъ, гдѣ народъ былъ забитъ и загнанъ и гдѣ царь сидѣлъ на тронѣ ни глупъ, ни уменъ, а приближенные его о томъ только и думали, какъ бы другъ другу ногу подставить.

Вродѣ этого и у насъ было при Николаевомъ царствованіи.

Ну, вотъ, скажемъ, выбралъ царь себѣ министровъ, и положимъ, что въ министерство внутреннихъ дѣлъ пролѣзъ, какъ и у насъ это было, мздоимецъ и предатель. Этотъ предатель, такъ ужъ и въ губернаторы будетъ себѣ искать также мздоимцевъ и предателей. А губернаторы-мздоимцы подыщутъ себѣ мздоимцевъ-исправниковъ, а тѣ въ свою очередь—мздоимцевъ-становыхъ, а становые—урядниковъ. И таковы же будутъ земскіе начальники, волостные писаря, стражники.

Нельзя говорить: такое-то сословіе у насъ хорошо, а такое-то плохо, въ такомъ-то сословіи есть воры или предатели, а въ такомъ-то ихъ нѣтъ.

Даже ужъ, кажется, на что ближе къ Богу наши монахи и бѣлое духовенство, а ужъ среди нихъ нѣтъ ли и стяжателей, и прелюбодѣевъ, и доносчиковъ, и обманщиковъ?

Какъ налипаетъ дорожная грязь на кнутъ, когда кнутъ волочится по дорогѣ, такъ все грязное и гадкое, что было въ нашемъ народѣ, липло къ министру. Министръ выуживалъ изъ народа, изъ крестьянъ, изъ помѣщиковъ, изъ духовенства, изъ купечества, на нашу мѣрку, самыхъ негодныхъ людей, самую гниль.

Мнѣ скажутъ:

— А вотъ у насъ былъ урядникъ Василій Петровъ— золотой человѣкъ.

Мало ли что! Я не о томъ толкую. Я вашего урядника не знаю, хорошъ онъ или плохъ. Я хочу только знать, согласились ли бы вы, чтобы ради одного этого урядника остались на Руси всѣ урядники?

Поди, небось, нѣтъ.

То же и помѣщики съ купцами станутъ говорить:

— Эхъ, вотъ у насъ въ губерніи былъ губернаторъ, ужъ дѣйствительно честный человѣкъ.

А я опять скажу: и въ крапивѣ рожь растетъ. Такъ вѣдь крапива отъ того рожью не станетъ. Или, можетъ, по-вашему станетъ?

Теперь мы всю эту крапиву повыдергали. Нѣтъ надъ нами больше царской власти. Но не ликуйте! Погодите радоваться.

Ну, вотъ хоть ты, читающій эту книжку, отвѣть мнѣ по совѣсти: пошелъ бы ты или не пошелъ въ стражники или въ урядники, если бы опять къ намъ вернулось прежнее?

Думаю, что если ты честный человѣкъ, то не пошелъ бы. Ну, а другіе? Можешь ли ты и за всѣхъ поручиться, что тоже не пошли бы? Конечно, не можешь. Если бы, например, въ какомъ-нибудь уѣздѣ, когда еще у насъ былъ царь, вдругъ на стражниковъ напалъ какой-нибудь моръ или на войну бы ихъ, что-ли, угнали, что-же, такъ-таки и не нашлось бы никого на ихъ мѣсто? Небось, нашлись бы. А когда такъ, то, значитъ, и теперь есть такіе люди.

Дворянину, помѣщику я скажу: ругай, пожалуй, сколько хочешь, мужиковъ, но и на себя погляди: хорошъ ли ты.

И тоже скажу крестьянамъ: ругай, сколько влѣзетъ, купцовъ, духовенство, помѣщиковъ, но и на себя оглядывайся.

Сейчасъ воистину подходитъ День Великій. Царя мы согнали, согнали министровъ и всякихъ другихъ чиновниковъ. Какъ же будемъ жить? Объ этомъ надо подумать.

Малодушныхъ людей, людей съ покладистой совѣстью, и теперь сколько угодно. Но нужно быть гражданиномъ, нужно умѣть говорить правду, нужно совѣтоваться не только съ сосѣдомъ, но и со своей совѣстью.

Совѣсть никогда не обманетъ, не продастъ, и съ ней, если она у тебя есть, въ трехъ соснахъ не заблудишься.

Говорю вамъ опять: дѣло великое готовится быть на русской землѣ. И теперь ужъ недолго ждать—скоро будетъ созвано Учредительное Собраніе. Оно должно рѣшить, какъ намъ жить дальше: управляться ли самимъ, или выбрать царя съ ограниченными правами. Заводить ли республику или конституціонную монархію?

Подробно обо всемъ въ маленькой книжкѣ не скажешь. Все-таки и въ короткихъ словахъ можно объяснить на примѣрѣ, что такое республика и что конституціонная монархія.

Возьмемъ для начала республику.

Есть, скажемъ, гдѣ-нибудь и деревня и живетъ въ этой деревнѣ столько-то душъ крестьянъ, учитель, докторъ, лавочникъ, священникъ и тутъ же около, какъ это часто бываетъ, два—три помѣщика.

Обычно старосту у насъ выбираютъ одни крестьяне и на сходѣ бываютъ тоже одни только крестьяне. Но, представимъ себѣ, въ этой деревнѣ, про которую я говорю,

выбираютъ старосту и крестьяне, и вмѣстѣ съ ними священникъ, и лавочникъ, и помѣщикъ, и докторъ, и учитель, и тоже адвокатъ какой-нибудь, прижившійся въ этой деревнѣ.

И нѣтъ въ этой деревнѣ ни урядника, ни станового, ни земскаго начальника и никакой власти въ этой деревнѣ они имѣть не могутъ. А управляется деревня сама собой, сходомъ, міромъ. Когда нужно, люди собираются и рѣшаютъ сообща, какъ и что имъ дѣлать. И всякій имѣетъ на сходѣ одинаковое право голоса. Будь ты помѣщикъ, священникъ, докторъ, или учитель, или крестьянинъ—все равно, преимущества никому не дается.

Это вотъ и будетъ самая настоящая республика демократическая. Только въ республикѣ выбранный за нáбольшаго называется не староста, а президентъ.

Объясняю теперь также кратко, что такое конституціонная монархія.

Опять-таки, скажемъ, есть гдѣ-нибудь другая деревня. И поставленъ въ ней за нáбольшаго тотъ же староста. Только всѣ жители условились, что, если староста умретъ, вмѣсто него старостой будетъ его сынъ, умретъ сынъ—внукъ, а послѣ внука—правнукъ и такъ дальше, изъ рода въ родъ. Распоряжаться, однако, въ волости самовластно онъ не можетъ, а во всемъ совѣщается со сходомъ и сходъ указываетъ ему, какихъ помощниковъ онъ себѣ можетъ взять и какихъ нѣтъ.

Назовите старшину царемъ, помощниковъ его министрами, а сходъ Государственной Думой, или парламентомъ, или Народной Палатой,—вотъ вамъ и будетъ конституціонная монархія.

Конечно, одно дѣло—деревня, а другое дѣло—большое государство, гдѣ народу не сто человѣкъ, а сто и болѣе милліоновъ. Опять повторяю: подробно описывать, какъ управляется народъ самъ собою въ большихъ государствахъ и какъ тоже въ большихъ государствахъ устраивается правленіе при конституціонной монархіи, въ моей маленькой книжечкѣ не хватитъ мѣста. Скажу только, что въ большихъ государствахъ, будетъ ли это государство республика или конституціонная монархія, на сходку или въ парламентъ собирается не весь народъ, разумѣется, а посылаетъ отъ себя выборныхъ, и ужъ эти выборные и дѣйствуютъ отъ имени народа, какъ имъ велитъ совѣсть.

Выходитъ, значитъ, что же: при конституціонномъ царѣ народъ можетъ править государствомъ такъ же почти, какъ и при президентѣ.

То-то вотъ что «почти». Бывало не разъ въ конституціонныхъ монархіяхъ, что царь, поживши да оглядѣвшись, опять захватывалъ всю власть полностью въ свои руки.

Судите сами: президента вы выбираете на три, на четыре года. За три года много дѣла не надѣлаешь. А прошло три года—былъ ты до этого,—до того, какъ тебя выбрали президентомъ,—адвокатъ или инженеръ, или аптекарь, такъ опять и иди на свое мѣсто, дѣлай, что дѣлалъ раньше.

А царя вѣдь черезъ три года не уволишь. И черезъ десять лѣтъ его не уволишь и черезъ двадцать,—пока не умретъ.

Въ этомъ и есть самая главная опасность. Какъ ты его въ правахъ ни ограничивай, онъ все-таки есть царь и знаетъ, что отецъ его либо дѣдъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю власть, правилъ государствомъ по своему желанію, какъ хотѣлъ.

Долго ли ему подобрать около себя разныхъ безсовѣстныхъ людей, которымъ терять нечего, а заработать, если ихъ дѣло выгоритъ, можно. Встарину, когда люди темны были, считалось, что царская власть—отъ самого Господа Бога и потому ни грѣшить, ни ошибаться цари не могутъ.

Отъ Бога ли? Царь-то, конечно, такъ и будетъ думать, что онъ отъ Бога.

Да мы-то, напримѣръ, хорошо знаемъ, какъ это бываетъ отъ Бога. Развѣ это отъ Бога, когда все государство съ края до края въ разоръ пришло? А во дворцѣ главной персоной былъ первый проходимецъ Григорій Распутинъ.

И знаемъ мы тоже, какъ былъ изданъ манифестъ и дума была собрана. А царь все величалъ себѣ самодержцемъ.

Развѣ опять не можетъ быть того же? Ограничимъ мы царя въ правахъ такъ, что податься некуда, и принесетъ онъ присягу народу, а тамъ и примется потихоньку опять за свое.

Такіе примѣры ужъ бывали.

Взять хотя бы Англію. Сейчасъ тамъ у короля власти, правда, меньше, чѣмъ у американскаго президента. А было время, когда короли англійскіе управляли государствомъ на правахъ самодержцевъ. Вродѣ какъ наши цари.

Парламентъ у себя англичане завели много раньше другихъ европейскихъ государствъ. Короля ограничили въ правахъ и думали, что такъ у нихъ и будетъ все время.

А вышло совсѣмъ не такъ. Одного даже своего короля они казнили,—отрубили ему голову,—за то, что онъ хотѣлъ захватить всю власть въ свои руки.

И послѣ этой казни было у нихъ много волненій, и тоже и дальше при другихъ короляхъ были волненія, пока не

ограничили они своихъ королей вотъ ужъ именно такъ, что податься некуда.

Но вѣдь это такъ только говорится, что податься некуда. Иному и, правда, покажется, что онъ кругомъ какъ спутанъ и нѣтъ ему никакого ходу. А иной, который поумнѣе, пограмотнѣе, сообразитъ что-нибудь и попробуетъ.

Для спокойствія поэтому самое лучшее, значитъ, учредить республику. Хотя опять-таки и республика республикѣ рознь. Бывали, напримѣръ, республики, гдѣ въ народное собраніе выбирались только знатные люди, аристократы, или тоже республики, управляемыя только состоятельными людьми. Такой республики намъ не надо,—ни аристократической, ни буржуазной. Намъ нужна республика демократическая, то-есть общенародная, въ которой правило бы не какое-нибудь сословіе или классъ, а всѣ сословія, всѣ граждане, весь народъ.

Никакой классъ и никакое сословіе засилья имѣть не должно. А то, напримѣръ, и въ древнемъ Римѣ была республика даже и безъ президента. Такъ эта республика была хуже всякой монархіи. По-римски республика значитъ буквально «народное дѣло». Только, видите, въ этомъ римскомъ «народномъ дѣлѣ» вертѣли всѣмъ аристократы да преданные имъ солдаты. А остальной народъ былъ безгласенъ.

Но опять скажу: писать обо всемъ этомъ нужно цѣлую новую книжку.

Я же хочу здѣсь говорить о другомъ: о томъ, какъ намъ быть, чтобы въ Учредительное Собраніе прошли дѣйствительно настоящіе дѣльные люди и чтобы голосъ ихъ былъ воистину голосомъ всего народа.

У каждаго изъ насъ на памяти, какъ производились выборы въ послѣднюю Государственную Думу. Въ тѣ времена было не въ диковинку, когда чуть ли не сейчасъ же послѣ выборовъ начальство сажало въ тюрьму или отправляло на каторгу неугодныхъ ему депутатовъ.

Или соберутся люди обсудить, кого посылать имъ въ выборщики, а онъ тутъ и вотъ онъ—становой на тройкѣ. А не становой, такъ урядникъ, а не урядникъ, такъ стражники. Да еще пьяные... Что же, развѣ не правда? Такъ и рыскали по уѣзду какъ разбойники.

И сейчасъ, чуть ты ротъ открылъ, тебя въ плети... Да такъ до самой холодной и гонятъ; только шерсть летитъ съ плечъ изъ-подъ плетей отъ полушубка. Гонятъ да еще приговариваютъ:

— Вотъ тебѣ свобода собраніевъ! Поминай раба Божьяго Іоакима. То-есть это его, значитъ, звать Акимомъ... Такъ ты его поминай за то, что онъ на тебѣ полушубокъ въ лапшу искрошилъ...

А то бывало и позволятъ собраться; да и не то что позволятъ, а самъ земскій пріѣдетъ и велитъ согнать народъ туда-то. Попъ молебенъ отслужитъ. Сначала будто все по-хорошему.

А на повѣрку опять-таки то же: поминай раба... Сначала сахары начнутъ разводить одинъ лучше другого—то попъ, то земскій.

— Царь, дескать, теперь даровалъ намъ свободу слова и собраній, такъ вы, братцы, не стѣсняйтесь, говорите на-чистоту.

Развѣ на лбу у него написано, что онъ на умѣ держитъ? Приткнется гдѣ-нибудь въ уголку и сидитъ молча, слушаетъ.

А на другой день послѣ этой свободы собранія и слова, глядь-поглядь, гдѣ Иванъ Петровъ, гдѣ Семенъ Карповъ, гдѣ тотъ-то и тотъ-то. Ищи, свищи: ночью стражники были съ обыскомъ и уволокли неизвѣстно куда.

Вотъ тебѣ и «говорите все на-чистоту»! Онъ, значитъ, какъ котъ въ углу сидѣлъ да на насъ глаза пялилъ, да высматривалъ: «а котораго бы слопать, чтобы угодить начальству».

Ничего этого теперь ужъ быть не можетъ. Мы съ тѣхъ поръ, какъ отрекся отъ престола царь Николай, вольны и говорить что угодно, писать въ книжкахъ что угодно и собираться тоже гдѣ и когда угодно, и выбирать депутатовъ въ Учредительное Собраніе какихъ намъ пожелается, не спрашиваясь про то у кого бы то ни было.

Самое многочисленное сословіе у насъ крестьянское... Крестьянъ въ Россіи считается 130 милліоновъ. Стало быть, и депутатовъ въ Учредительное Собраніе отъ крестьянъ будетъ больше, чѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ сословій.

И, значитъ, крестьяне сумѣютъ за себя постоять, въ обиду себя не дадутъ, сумѣютъ повести дѣло такъ, что при новыхъ порядкахъ, все равно, царь ли у насъ будетъ съ ограниченными правами, или республика, имъ-то, крестьянамъ, плохо не будетъ. Вѣдь ихъ—сила: 130 милліоновъ, а всѣхъ остальныхъ сословій—только тридцать милліоновъ. Именно, что шапками закидать можно.

Однако разберемъ все порядкомъ.

Извѣстно ли вамъ, какъ наше многомилліонное государство собиралось закидать шапками маленькую Японію, съ 50 милліонами жителей?

У насъ 160 милліоновъ жителей, а въ Японіи 50.

Что же, закидали мы ее шапками?

Японецъ прежде всего образованнѣе насъ и оттого и смышленъ и переимчивъ; у него и заводы, и машины, и фабрики не хуже, чѣмъ у другихъ образованныхъ народовъ, и распоряжаются на этихъ фабрикахъ инженеры и мастера все тоже японцы; а у насъ и сейчасъ еще на нашихъ фабрикахъ и заводахъ главные мастера и инженеры наполовину иностранцы.

Многимъ это очень не по нутру. А что же дѣлать, когда своихъ инженеровъ и мастеровъ нехватаетъ?

Да чего инженеры и мастера! Даже зубныхъ врачей у насъ въ большихъ городахъ сколько хочешь и австрійцевъ, и бельгійцевъ, и нѣмцевъ.

Скажетъ, можетъ быть, кто-нибудь, что это наше правительство виновато, что японцы насъ побили. Конечно, оно виновато. Только и то надо понимать: а плохо ли ему было, нашему этому правительству, если бы оно отщипнуло отъ Японіи клокъ земли?

Ого, какъ бы тамъ, на этомъ клокѣ, поустроились разные придворные пролазы!

Положимъ, и то правда, что въ Россіи ужъ тогда было неспокойно: рабочіе на фабрикахъ грозили забастовками, начинала волноваться и деревня. И правительство хотѣло занять насъ войной, чтобы ходили мы толпами по улицамъ, пѣли бы «Боже царя храни» и радовались бы: вотъ мы какіе молодцы, колотимъ япошекъ.

Пусть это такъ. Но и опять-таки скажу: плохо ли было бы нашему правительству, если бы оно поколотило японцевъ? И несомнѣнно, оно и этого хотѣло не меньше, чѣмъ отвлечь насъ отъ внутреннихъ волненій.

Только ничего изъ этого не вышло. А почему? Потому именно, что и наше правительство, какъ и мы сами, думало, что оно японцевъ шапками закидаетъ. Какъ же: вѣдь трое на одного. Ихъ 50 миллiоновъ, а насъ 160. А были и такiе, которые говорили, что русскiй и одинъ съ пятью японцами справится.

И все это отъ необразованности, отъ верхоглядства, отъ того, что ни царь нашъ, ни совѣтники его, пусть хоть и не всѣ, никогда путемъ ничему не учились. То-то, что были и такiе. Вѣдь править государствомъ совсѣмъ не то, что сидѣть за прилавкомъ или командовать эскадрономъ. А у насъ было зачастую, что именно эскадронные командиры въ концѣ-концовъ вылѣзали въ царскiе совѣтники.

Я это все къ чему говорю. Крестьянъ у насъ дѣйствительно вчетверо больше всѣхъ остальныхъ жителей и, должно быть, въ нѣсколько сотъ разъ больше, чѣмъ было царскихъ чиновниковъ. А было время, когда на весь уѣздъ царскихъ чиновниковъ приходилась и совсѣмъ горсть. Исправникъ да становые, да урядники—вотъ тебѣ почти и всѣ чиновники! А крестьянъ въ самомъ даже маленькомъ уѣздѣ—тысячи.

А развѣ эти нѣсколько человѣкъ въ картузахъ съ кокардами не морочили насъ?

Еще и какъ морочили!

Спросите старыхъ людей. Они вамъ разскажутъ, какъ бывало цѣлой деревней и старъ и малъ наваливались съ кольями на «государственнаго преступника».

Вы думаете, это только вотъ сейчасъ у насъ стали кричать, что царскiе чиновники—и мздоимцы, и воры, и предатели, и надо ихъ замѣнить новыми людьми и завести у насъ либо конституцiонную монархiю, либо республику.

Теперь-то объ этомъ всѣ кричатъ: теперь не боязно.

А что было двадцать лѣтъ тому назадъ? Поди-ка тогда крикни! Да тебя любой мужикъ, самый смирный, любой фабричный, любой сидѣлецъ изъ лавки, тутъ же и пристукнулъ бы чѣмъ ни попадя. Да еще и мертваго колотилъ бы, ногами бы топталъ.

Или не такъ? Неправду я говорю?

А кто натравливалъ? Все тѣ же становые, писаря, урядники, а въ городѣ городская полиція, тайные политическіе сыщики. А много ли ихъ было,—этихъ сыщиковъ да урядниковъ?

Именно—горсть.

А вотъ же вертѣли нами, какъ хотѣлось. Люди для насъ старались, для общаго блага, а мы ихъ—въ колья. Потому что ты, де, государственный преступникъ, противъ царя и его министровъ идешь, такъ вотъ тебѣ, получай въ благодарность.

Поѣзжай тогда въ любую деревню, въ любой уѣздный или губернскій городъ—всюду одно и то же: «Кто мутитъ народъ»?—«Студенты мутятъ».

Такъ по всей Россіи и знали, что студенты почти-что всѣ поголовно—государственные преступники, внутренніе враги. И ихъ надо вѣшать, и чѣмъ скорѣй ихъ перевѣшаютъ, тѣмъ будетъ лучше.

И вѣшали... Всенародно на площадяхъ, одѣтыхъ въ саваны.. И около висѣлицы стояли гробы, чтобы трупы несчастныхъ прямо послѣ казни отвезти за городъ и закопать какъ падаль безъ могильнаго холма, безъ отпѣванія, безъ креста могильнаго.

Вѣчная имъ память, первымъ борцамъ за народное дѣло!

Истинно такъ: да, студенты первыми у насъ поднялись противъ правительства. Теперь вонъ и фабричные не хуже студентовъ понимаютъ, что и какъ надо. А кто имъ глаза открылъ? Все тѣ же «государственные преступники», студенты, интеллигенція. Интеллигенціей называются образованные люди: доктора, учителя, адвокаты. Если бы писать исторію нашей интеллигенціи, нашихъ образованныхъ людей, какъ они боролись съ правительствомъ, то на каждой страничкѣ пришлось бы говорить о казняхъ, о пыткахъ, о ссылкахъ на каторгу и на поселеніе.

Теперь, скажутъ, некому натравливать мужиковъ на образованныхъ людей. Будто некому? Погодите, найдутся. Конечно, намъ не страшны сейчасъ стражники да урядники. Такъ вѣдь кромѣ стражниковъ у нашего прежняго правительства была еще тайная полиція, было «Охранное Отдѣленіе». Люди, служившіе въ этомъ охранномъ отдѣленіи, подъ видомъ рабочихъ, студентовъ, курсистокъ всюду шныряли, всюду подслушивали и потомъ доносили по начальству. Мало того,—многіе изъ нихъ втирались въ разные общества и союзы, и черезъ нихъ охранному отдѣленію все было подробно извѣстно, что дѣлается въ этихъ обществахъ и союзахъ. Почти во всѣхъ мало-мальски значительныхъ городахъ были такія охранныя отдѣленія.

Какъ только стало извѣстно, что царь Николай отрекся отъ престола и въ Петроградѣ утверждено Новое Правительство, во всѣхъ охранныхъ отдѣленіяхъ начались пожары. Поджигали охранныя отдѣленія сами эти тайные сыщики или, какъ ихъ еще называютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, провокаторы. Все подъ видомъ тѣхъ же студентовъ и рабочихъ, смѣшавшись съ солдатами и народомъ, они первые кричали:

— Идемъ разносить проклятыя охранки, чтобы и слѣда ихъ поганыхъ дѣлъ не осталось на русской землѣ!

И первые же стали поджигать разныя бумаги и дѣла, которыя хранились въ Охранкѣ. Для чего имъ это было нужно? А вотъ и поди-ка раскуси ихъ сразу!

На то онъ и охранникъ, на то и сыщикъ, на то и провокаторъ, чтобы, прикинувшись, напримѣръ, самымъ что ни на есть ретивымъ студентомъ, сдѣлать народу тоже самую какую ни на есть пакостную пакость.

Въ охранкахъ вмѣстѣ съ другими бумагами сохранялись и списки всѣхъ сыщиковъ и провокаторовъ, по которымъ имъ платили жалованье.

Вотъ они и думали: подожжемъ дѣла и бумаги, можетъ, съ ними и наши списки сгорятъ.

И дѣйствительно, много такихъ списковъ погорѣло, и теперь какихъ провокаторовъ словили, а какіе остались на волѣ. Что же, эти-то, которые остались на волѣ, вы думаете, будутъ сидѣть сложа руки?

Не такъ давно самъ нашъ министръ Керенскій, когда пріѣзжалъ въ Москву, такъ на одномъ собраніи разсказывалъ: былъ у него знакомый, человѣкъ неглупый и дѣловой, и Керенскій отъ него никакъ не таился, обо многомъ говорилъ; а потомъ и оказалось, что человѣкъ этотъ провокаторъ, въ охранномъ отдѣленіи служитъ.

Въ первые же дни, какъ стали разбирать охранные списки, сразу и выплыло наружу, что во многихъ городахъ, гдѣ есть совѣты рабочихъ депутатовъ и кооперативныя товарищества, въ этихъ совѣтахъ и товариществахъ оказались провокаторы.

Вонъ они какъ!.. Какъ клопы—по всѣмъ щелямъ.

Теперь, значитъ, какихъ повыморили, а какіе и по сей день ползаютъ, ищутъ, гдѣ пристроиться.

И ужъ, небось, давно смекнули: мужиковъ у насъ 130 милліоновъ, это вѣдь силища!

Начни провокаторы въ городахъ кричать: «Бей интеллигенцію» или «Бей студентовъ», кто ихъ будетъ слушать? Интеллигенцію бить не станутъ, а ихъ самихъ поколотятъ дѣйствительно. А вотъ если наускивать мужиковъ въ деревнѣ на помѣщиковъ, это другое дѣло. Мужики, пожалуй, и послушаются.

Начнутся грабежи, поджоги, убійства. Что тогда дѣлать нашему временному правительству!

Не разстрѣливать же народъ? А съ другой стороны и бросить на произволъ судьбы помѣщиковъ тоже не хорошо.

Помѣщики будутъ кричать, что правительство не имѣетъ права допускать грабежей и убійствъ, а вступись за нихъ правительство, станутъ кричать мужики, что какое же это народное правительство, когда оно приказываетъ солдатамъ итти противъ народа!

Что же, значитъ, изъ всего выйдетъ?

Выйдетъ, что провокаторы подѣлаются атаманами вродѣ Ваньки-Каина, а сами будутъ кричать, что они не Ваньки-Каины, а въ родѣ Стеньки Разина. А въ это время изъ-за границы ударитъ врагъ и среди такой неразберихи прихлопнетъ насъ всѣхъ такъ, что потомъ не только дѣти наши, а и внуки будутъ не жить, а маяться, какъ мы маялись при нашихъ царяхъ.

Или тоже на ихній, на провокаторскій глазъ, плохо ли подбить крестьянъ, чтобы они, ни на что не глядя,— ни на войну, ни на то, что еще и Учредительное Собраніе

не созвано,—требовали въ одну душу прирѣзки земли, дѣлежки помѣщичьихъ и частновладѣльческихъ земель?

Да какъ же мы станемъ дѣлить землю, когда половина всего крестьянства сейчасъ на войнѣ? Значитъ, что же, войну кончать ради этого? Нѣмца къ себѣ пустить? Да и правомочно ли наше нынѣшнее временное правительство объявить дѣлежку земли, не дождавшись созыва Учредительнаго Собранія? Вѣдь на этомъ Учредительномъ Собраніи будетъ разговоръ не только про то, быть ли у насъ царю съ ограниченными правами или республикѣ, но и о надѣленіи крестьянъ землею и о многомъ другомъ. А если временное наше правительство позволило бы себѣ такое беззаконіе—землю дѣлить не спросясь Учредительнаго Собранія, развѣ провокаторы не стали бы кричать: «Какъ смѣютъ они это дѣлать? Они не всѣмъ народомъ выбраны, а состоятъ наполовину изъ купцовъ и помѣщиковъ и, стало быть, будутъ держать ихнюю руку!»

И опять началась бы путаница, неразбериха, грабежи и убійства.

Это ли теперь намъ нужно?

Помните одно: пришло время заводить новый порядокъ, а не косами рѣзаться изъ-за того, что то ли ты у меня, то ли я у тебя скосилъ лишній клокъ сѣна.

Бывало отъ стражниковъ прятались по овинамъ, чтобы столковаться, кому и какого депутата выбирать въ Думу. Нынче этого нѣтъ, нынче всѣ вольны. Прятаться не отъ кого.

Земли у насъ много, всѣмъ хватитъ.

Въ Англіи, напримѣръ, на одну квадратную версту жителей общимъ счетомъ приходится болѣе 200 человѣкъ,

а у насъ всего только шесть. Значитъ, будетъ гдѣ размѣститься. И полевой земли всѣмъ достанется вволю, и выгона, и лѣса.

Нужно только, чтобы въ Учредительное Собраніе прошли честные и понимающіе люди. Вотъ хоть бы и то, что сейчасъ я сказалъ про Англію: гдѣ у насъ шесть человѣкъ— тамъ у нихъ двѣсти. Если, стало быть, равнять ихъ къ намъ насчетъ земли, то выходитъ, что мы богаче ихъ разъ въ тридцать. А ужъ они ли то не богаты? Конечно, они не съ одной земли живутъ, но и ихніе крестьяне тоже ни въ чемъ нужды не терпятъ.

Самъ я въ Англіи не былъ и то, про что пишу сейчасъ, вычиталъ изъ книгъ. А вы читали ли такія книги? Можетъ, и читали, можетъ, и нѣтъ. Вотъ я почему и говорю: нужно въ Учредительное Собраніе выбирать людей съ оглядкой. Нужно, чтобы этотъ, котораго вы будете выбирать, и души бы не сгубилъ передъ Богомъ и грамотный былъ бы. Да и самимъ читать надо.

Знаю, что грамотныхъ у насъ немного. Такъ вы собирайтесь, столковывайтесь, заставляйте вслухъ читать. Деньги сейчасъ у всѣхъ есть,—покупайте книги, выписывайте газеты, заводите библіотеки, объявите у себя въ деревнѣ книжную повинность, чтобы съ души столько-то полагалось на книгу. Ищите правду въ книгѣ.

Книги пишетъ все та же интеллигенція, образованные люди...

Помните, я передъ этимъ разсказывалъ о томъ, какъ казнили «государственныхъ преступниковъ»? Въ саванахъ, поставивъ подъ висѣлицей гробы, чтобы сейчасъ же, какъ снимутъ съ петли, бросить въ эти гробы еще теплые трупы...

И когда передъ казнью «государственный преступникъ», съ петлей на шеѣ стоя подъ висѣлицей, хотѣлъ передъ смертью сказать что-нибудь, то начинали бить барабаны...

Зачѣмъ? Чтобы заглушить его голосъ, чтобы народъ, собравшійся посмотрѣть на казнь, ничего не услышалъ бы.

Но теперь ничто не заглушитъ голоса правды. Говорю вамъ: читайте. Чѣмъ судить на-обумъ, вкривь да вкось, лучше посовѣтуйтесь съ книгой. Книга много разскажетъ, а двѣ—еще больше, а нѣсколько десятковъ книгъ дадутъ ужъ порядочныя знанія.

И нельзя медлить. Подъ лежачій камень вода не потечетъ. Нужно дѣйствовать.

Берите примѣръ съ города. Въ городѣ больше образованныхъ людей. Есть хорошая пословица: въ городѣ рубятъ, а въ деревню щепки летятъ. Щепки это—газеты, книжки, журналы, листки, воззванія. Только опять-таки если будете дѣйствовать вразбродъ, толку выйдетъ немного.

Собирайтесь въ союзы. Не бредите какъ овцы одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Подробно объяснять, какъ устраивать союзы, у меня нѣтъ сейчасъ ни времени, ни мѣста. Когда я пишу эту книжку, мои товарищи пишутъ другія книжки,—о союзахъ, о республикѣ, о томъ, какъ наша интеллигенція боролась десятки лѣтъ съ правительствомъ, о томъ, какъ потомъ съ правительствомъ сталъ бороться рабочій классъ, и о многомъ другомъ. Если бы мы не соединились, не согласились между собой дѣйствовать сообща, не столковались бы, то развѣ не могло случиться такъ, что мы всѣ стали бы писать, напримѣръ, про союзы? И потомъ сразу вышло бы, скажемъ, десять или

двадцать книжекъ о союзахъ, а о республикѣ или о конституціонной монархіи ни одной.

Также сейчасъ по городамъ въ союзы собрались купцы, приказчики, фабричные рабочіе. Вотъ я почему и говорю: берите примѣръ съ города. Городъ всегда шелъ впереди деревни. Онъ и сейчасъ идетъ впереди.

Когда бываете въ городѣ, покупайте газеты, найдите, гдѣ въ газетахъ объявляется о собраніяхъ, напримѣръ, хоть тѣхъ же купцовъ или рабочихъ, и сами идите на эти собранія. Учитесь. Это не мудренная наука. Не читайте одну какую-нибудь газету. Читайте всѣ газеты. Сейчасъ нужно все знать: и то, что рабочіе думаютъ и что думаютъ купцы и какъ о томъ и о другомъ понимаютъ люди другихъ сословій и классовъ. Вотъ тутъ и опять придется вспомнить о союзѣ. Одному, конечно, тяжело будетъ выписывать всѣ газеты сразу, а для союза, по раскладкѣ на душу, газеты всѣ, сколько ихъ ни печатается, будутъ стоить грошъ. И изъ этого же примѣра ясно, что чѣмъ союзъ многочисленнѣй, тѣмъ ему и во всемъ будетъ легче.

Но, устраивая союзы, не чуждайтесь никого,—ни помѣщиковъ, ни поповъ, ни купечества. Ибо и Левъ Толстой, напримѣръ, былъ помѣщикъ да еще графъ. И тоже много изъ помѣщиковъ съ петлей на шеѣ пошло при старомъ строѣ на тотъ свѣтъ за общее народное дѣло. Честный человѣкъ, да къ тому же образованный, не можетъ желать худа своему народу,—все равно будь то помѣщикъ, священникъ или купецъ.

Знаю, есть худые люди во всякомъ сословіи и немало такихъ людей среди имущихъ классовъ. Такъ не объ этихъ я и говорю, не о томъ, какое сословіе притѣсняетъ и какое

утѣснено. Я говорю о томъ, про что всѣ мы сейчасъ должны помнить болѣе всего: намъ нужно отмежеваться отъ этихъ худыхъ людей. Развѣ, скажу опять, Толстой былъ не графъ? А, съ другой стороны, кто такой былъ Григорій Распутинъ?.. Вотъ про это я и говорю: намъ ли теперь спорить и заводить распрю между сословіями?

Всѣ люди—братья и для всѣхъ людей одинъ свѣтъ свѣтитъ: свѣтъ правды и знанія. И въ чью душу западаетъ этотъ свѣтъ, тотъ ложью ни своей и ничьей души не загубитъ. Бываютъ минуты въ жизни человѣческой, когда даже самый послѣдній негодяй сознаетъ свое негодяйство, кается воръ и убійца. И тоже бываютъ такія минуты и въ жизни народовъ. И тогда оказываются герои и мученики даже среди тѣхъ людей, которые до того молча сидѣли по своимъ мурьямъ и ни о чемъ другомъ кромѣ какъ о своемъ благополучіи не заботились. Эти люди есть истинная совѣсть народная, всколыхнувшаяся подъ ударами грома великой Божьей грозы. Истинно подъ громами мы сейчасъ живемъ и подъ молніями. Тотъ, кто заботится о своемъ только благополучіи, погибнетъ. Истинно такъ. Нельзя о себѣ думать, когда совершается общее народное дѣло. Открой свою душу и прими въ нее эти громы и молніи—голосъ правды Божіей! Или останешься одинъ и будешь какъ слѣпой среди ночи, не зная, гдѣ поставить ногу, чтобы не оступиться и не упасть въ пропасть или не быть растоптаннымъ бѣгущими рядомъ съ тобой и знающими, куда они бѣгутъ, и видящими свѣтъ истины, горящій впереди нихъ.

Что мнѣ купецъ или попъ, или помѣщикъ! Смотрите: временное наше правительство, состоящее наполовину,

если не на три четверти, изъ помѣщиковъ, опубликовало 21-го марта постановленіе, по которому «земельный вопросъ является первымъ изъ первыхъ».

Земельный вопросъ—значитъ вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею.

Но, какъ я уже говорилъ, само правительство неправомочно сейчасъ произвести дѣлежку земли. Когда соберется Учредительное Собраніе, оно все и рѣшитъ. Надѣлять крестьянъ землею будетъ, значитъ, не правительство, которое состоитъ всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, а выборные люди отъ всей Россіи. Самъ народъ будетъ дѣлить. Такъ постановило наше правительство. И такъ и быть должно. Дѣло народное должно вершиться самимъ народомъ.

И потому я и говорю вамъ: не спите, не медлите, устраивайте союзы. Свѣтъ и правда горятъ въ книгахъ. Читайте, выписывайте, покупайте книги. Создавайте библіотеки.

И помните: грозный и безпощадный врагъ вторгся въ нашу землю. На окраинахъ наша родина—въ огнѣ и въ крови. Не слушайте тѣхъ людей, которые говорятъ: нужно кончать войну. Изъ этого выйдетъ смута, потому что наше правительство объявило: война до побѣды. И армія присягнула правительству. Не вносите смуту въ армію, ибо когда одни будутъ кричать: надо войну кончить, а другіе наоборотъ: надо биться съ врагомъ,—развѣ будетъ тогда порядокъ? Кого слушаться?—А не будетъ порядка, устоимъ ли противъ нѣмца? И не придется ли намъ, свергнувшимъ своего царя, просить пощады у царя иноземнаго?

Говорю вамъ: въ огнѣ родина. Въ огнѣ и въ крови. Какъ тушить пожаръ, когда нѣтъ порядка? Спросите у бѣженцевъ, какъ прошлымъ лѣтомъ горѣли поля, города,

деревни, какъ по дорогамъ въ канавахъ умирали бѣглецы отъ истощенія и голода. Или для себя того же хотите?

Наша армія теперь и многочисленнѣе нѣмецкой, и вооружена хорошо, и не оставитъ ее народъ безъ хлѣба. А врагъ уже усталъ, уже голодаетъ.

Опять скажу: намъ ли, свободному народу, стоять на колѣняхъ передъ нѣмецкимъ или передъ какимъ бы то ни было царемъ?

Гроза идетъ не оттуда, не отъ нѣмецкой границы—гроза въ насъ самихъ. Но эта гроза, которая въ насъ самихъ, можетъ и противъ насъ обратиться, ибо мы темны и только-что пробуждаемся; и можетъ она направиться на врага, ибо мы свободны и не пожелаемъ бродить во тьмѣ.

И все отъ насъ самихъ зависитъ—все: наша свобода, наше великое будущее, наша побѣда надъ врагомъ. Все въ нашихъ рукахъ.

Итакъ, что же намъ нужно для выборовъ?

Кто бы ни былъ ты,—крестьянинъ, рабочій, помѣщикъ или купецъ,—забудь, что ты рабочій, помѣщикъ, купецъ или крестьянинъ. Не должно быть распри между сословіями.

Не отворачивайтесь отъ образованныхъ людей. Не говорите: сами обойдемся.

Все, что намъ нужно для правильныхъ выборовъ, мы теперь имѣетъ: свободу собраній, союзовъ, свободу печати и слова. Никто не запретитъ мнѣ печатать какія угодно книги, устраивать собранія, общества и союзы.

Раньше, при старомъ правительствѣ, можно было много дѣйствительно говоритъ о томъ, чего не хватаетъ намъ для правильныхъ выборовъ.

Теперь у насъ есть все. По словамъ нашего министра

Керенскаго, ни одинъ народъ въ мірѣ не пользуется такой свободой, какъ мы.

Что же, значитъ, намъ нужно? Ничего, кромѣ того, о чемъ я говорилъ уже раньше.

Выборы въ Учредительное Собраніе должны будутъ производиться на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. То-есть это значитъ, что въ выборахъ могутъ участвовать всѣ граждане безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, что никакому сословію или классу не будетъ дано преимущества передъ другими классами и сословіями, что избирать депутатовъ будутъ не черезъ выборщиковъ, а прямо отъ населенія и при этомъ такъ будетъ сдѣлано: если я, напримѣръ, рабочій или служащій, то мой хозяинъ или начальнпикъ не можетъ знать, за какого депутата подамъ я свой голосъ.

О времени выборовъ и о томъ, какъ они будутъ производиться,—отъ волости, отъ уѣзда или отъ села,—правительство сообщитъ намъ, когда найдетъ это нужнымъ. Конечно, желательно было бы, чтобы выборы начались возможно скорѣе. Но Россія велика, и прежде чѣмъ объявить выборы, нужно многое сообразить и многое обдумать, чтобы выяснить, какой распорядокъ долженъ быть на выборахъ, чтобы не произошло гдѣ-нибудь путаницы, чтобы ни одинъ изъ населяющихъ Россію народовъ не былъ обойденъ, чтобы дѣйствительно всѣ мы могли голосовать за того, за кого голосовать мы желаемъ.

Именно этимъ дѣломъ сейчасъ и занято наше правительство. Но у него есть и другія дѣла. И мы не должны сидѣть сложа руки въ ожиданіи, когда насъ позовутъ на выборы. Нужно готовиться къ выборамъ. Нужно устраивать союзы,

общества, комитеты, собранія, заводить библіотеки. Но ужъ объ этомъ я говорилъ. Тотъ, кто пожелаетъ подробно узнать о комитетахъ, о союзахъ, объ общемъ избирательномъ правѣ, о республикѣ, о монархіи, о федеративномъ устройствѣ государства и о многомъ другомъ, опять скажу, пусть не жалѣетъ денегъ на книгу, не лѣнится ходить на собранія, записывается въ союзы и общества.

